

НЕОБЫЧАЙНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

БЕЗПРИМѢРНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НѢКОЕГО ГАНСА ПФОЛЛЯ.

Съ сердцемъ преданнымъ яростнымъ
грёзамъ вполнѣ,
Надъ которыми я властелинъ,
Съ горящимъ копьемъ, на воздуш-
номъ конѣ,
Я лечу межъ пустынныхъ стрем-
нинъ.

Пѣсня Тома Умалишеннаго.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Роттердама этотъ городъ, повидимому, находится въ высокомъ состояніи философическаго возбужденія. Дѣйствительно, феномены тамъ приключились свойства столь цѣликомъ неожиданнаго—столь сполна новаго—столь крайне въ противорѣчій съ предустановленными мнѣніями, что,—въ этомъ нѣтъ для ума моего ни малѣйшаго сомнѣнія,—пройдетъ немного времени и вся Европа будетъ въ смятенности, всѣ физическія знанія будутъ въ броженіи, а разсудокъ и астрономія въ потасовкѣ.

Оказывается, что въ нѣкій день такого-то мѣсяца (о датѣ въ точности я не освѣдомленъ) обширная толпа народа, по причинамъ не упоминаемымъ особливо, была

въ стеченіи, на большой Биржевой площади, въ благополучномъ городѣ Роттердамѣ. День былъ теплый—до необходимости для такого времени года—едва-ли было въ воздухѣ хотя дуновеніе вѣтерка; и толпа была вовсе не въ дурномъ настроеніи оттого, что, время отъ времени, ее обрызгивалъ дружелюбный дождь краткой длительности, который падалъ изъ бѣлыхъ широкихъ громадъ облаковъ, обильно распространенныхъ по голубому небу-своду. Тѣмъ не менѣе, около полудня, легкое, но замѣтное волненіе сдѣлалось явнымъ въ собраніи; послѣдовалъ смутный говоръ десяти тысячъ языковъ; и, мгновенъе спустя, десять тысячъ лицъ вздернулись къ небесамъ, десять тысячъ трубокъ мгновенно низошли изъ угловъ десяти тысячъ ртовъ, и вскрикъ, который не могъ бы быть сравненъ ни съ чѣмъ, кромѣ рева Ніагары, долгій, громкій, и бѣшенный, прозвучалъ черезъ весь городъ, и черезъ всѣ окрестности Роттердама.

Происхожденіе этой суматохи вскорѣ сдѣлалось достаточно очевиднымъ. Изъ-за огромнаго объема одной изъ этихъ рѣзко-очерченныхъ облачныхъ громадъ, уже упомянутыхъ, представая предъ взорами, медленно выплыло на открытый разбѣгъ голубого пространства, причудливое, различное въ своихъ частяхъ, но видимо прочное вещество столь страннаго вида, столь прихотливо забавно въ частяхъ своихъ сопоставленное, что толпа дюжихъ бюргеровъ, стоявшихъ внизу съ широко-раскрытыми ртами ни понять его какъ-нибудь не могла, ни на-смотрѣться на него вдосталь не была въ состояніи. Что бы это могло быть? Во имя всѣхъ Роттердамскихъ дѣволовъ, что бы это могло предвѣщать? Никто не вѣдалъ; никто не могъ вообразить; никто—ни даже бургомистръ. Мейнхееръ Супербусъ фонъ Ундердукъ—не имѣлъ ни малѣйшаго ключа къ разгадкѣ этой тайны; и, такъ какъ ничего болѣе добропорядочнаго сдѣлано быть не могло, каждый въ толпѣ, до единого человѣка, вновь помѣстилъ

свою трубку тщательно въ уголъ своего рта, и, упорно слѣдя однимъ глазомъ за феноменомъ, курнулъ, подождать, съ ноги на ногу перевалился, ворчулъ означительно—потомъ съ ноги на ногу опять перевалился, ворчулъ, подождать, и наконецъ—опять курнулъ.

Тѣмъ временемъ, однако, ниже и все ниже къ благополучному городу, нисходилъ предметъ столь большого любопытства, и причина столь многого дыма. Совсѣмъ въ малое число минутъ, онъ прибылъ достаточно близко, чтобы быть точнымъ образомъ разсмотрѣннымъ. Онъ явился, онъ былъ—да! несомнѣнно онъ *былъ* нѣкотораго рода воздушнымъ шаромъ, но ужь конечно *такого* шара не видывали раньше никогда въ Роттердамѣ. Ибо, кто, позовольте васъ спросить, когда-либо слыхивалъ о шарѣ, цѣликомъ изготовленномъ изъ грязныхъ газетъ? Конечно, ни одинъ человѣкъ въ Голландіи; здѣсь же, подъ самыми носами этого добраго люда, или, скорѣе, на нѣкоторомъ разстояніи *надъ* ихъ носами, въ полномъ своемъ тождествѣ была именно эта спорная вещь, и, притомъ, сдѣланная,—имѣю свидѣтельства лучшихъ авторитетовъ,—въ точности изъ того матеріала, о которомъ никто до этого никогда не зналъ, чтобы онъ употреблялся для подобныхъ замысловъ.

Это было вопіющее оскорбленіе для здраваго смысла Роттердамскихъ бюргеровъ. Что до внѣшности феномена въ его очертаніяхъ, она была еще болѣе предосудительна. Ибо это былъ, почти-что, или прямо-таки, огромный дурацкій колпакъ, опрокинутый низомъ вверхъ. И это сходство, отнюдь, не уменьшалось оттого, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, толпа увидѣла большую кисточку, свисавшую съ верхушки, и, вокругъ верхняго края, или основанія конуса, кругъ малыхъ инструментовъ, похожихъ на овечьи колокольчики, которые поддерживали непрерывный трезвонъ на мотивъ Бэтти Мартина. Но что еще хуже. Подвѣшенная на голубыхъ лентахъ къ концу

этой фантастической машины, висѣла, въ видѣ лодочки, огромная темно-сѣрая бобровая шляпа, съ полями въ превосходной степени широкими, и съ полусферической верхушкой, украшенной черною лентой и серебряной застежкой. Нѣсколько достопримѣчательно, однако, что многіе граждане Роттердама много разъ эту же самую шляпу видали и раньше, и клялись въ этомъ; на самомъ дѣлѣ, все великое собраніе созерцало ее, какъ стараго добраго знакомаго; а между тѣмъ фроу Греттель Пфюолль, при видѣ ея, испустила возгласъ радостнаго удивленія, и объявила, что это самая что ни на есть шляпа самого ея добраго супруга. Обстоятельство это тѣмъ болѣе должно быть отмѣченнымъ, что Пфюолль, съ тремя сотоварищами, какъ разъ исчезъ изъ Роттердама, лѣтъ пять тому назадъ, совершенно внезапнымъ и необъяснимымъ образомъ, и до дня этого повѣствованія всѣ попытки получить какія-нибудь свѣдѣнія о немъ претерпѣли неудачу. Правда, какія-то кости, сочтенныя за человѣческія, и перемѣшанныя съ нѣкоторымъ количествомъ, весьма страннаго на видъ, мусора, были недавно открыты въ нѣкоторой уединенной мѣстности въ восточной части города; и нѣкоторыя лица зашли даже такъ далеко, что вообразили, что на этомъ самомъ мѣстѣ было совершено низкое убійство, и что пострадавшими были, по всей вѣроятности, Гансъ Пфюолль и его сотоварищи. Но вернемся къ повѣствованію.

Воздушный шаръ (ибо, безъ сомнѣнія, это былъ воздушный шаръ) опустился теперь на разстояніи ста футовъ отъ земли, позволяя толпѣ внизу достаточно ясно увидѣть обличіе существа, на немъ находившагося. Это поистинѣ былъ весьма особенный нѣкто. Росту онъ былъ никакъ не болѣе двухъ футовъ; но эта высота, какъ она ни была мала, оказалась бы достаточной, чтобы нарушить его равновѣсіе и перешвырнуть его черезъ край его крохотной лодочки, если бы не вмѣшательство кру-

говой закраины, достигавшей ему по грудь, и приснащен ной къ веревкамъ воздушнаго шара. Тѣло человѣка было широко сверхъ пропорціи и придавало всей его фигурѣ округлость въ высокой степени абсурдную. Ногъ его, конечно, нельзя было видѣть совсѣмъ. Руки его были чудовищно велики. Волосы его были сѣдоватые и собраны сзади въ *хвостъ*. Посъ его былъ волшебнo длиненъ, за-кривленъ, и воспламененъ; глаза выпуклые, блестящіе, и острые; подбородокъ и щеки, хотя въ складкахъ отъ возраста, но широкіе, надутые, и двойные; и никакого подобія ушей, ни даже малѣйшаго, невозможно было открыть на какой-либо части его головы. Этотъ странный джентльмэнчикъ былъ одѣтъ въ широкій сюртукъ изъ небесно-голубого сатина и соотвѣтственные, плотно-сидящіе, брюки, за-крѣпленные на колѣняхъ серебряными пряжками. Жилетъ его былъ изъ какой-то ярко-желтой матеріи. Колпакъ, изъ бѣлой тафты, былъ лихо надѣтъ на его головѣ на-бекрень; и, для дополненія экипировки, кроваво-красный шелковый платокъ облекалъ его горло и спадалъ внизъ, щегольски, на его грудь, фантастичнымъ узломъ, размѣ-ровъ большихъ-пребольшихъ.

Опустившись, какъ я уже сказалъ, футовъ на сто, къ поверхности земли, малый старый господинчикъ былъ внезапно схваченъ приступомъ трепета, и, какъ казалось, былъ вовсе не склоненъ приблизиться сколько-нибудь еще къ *terra firma*. Выбросивъ поэтому нѣкоторое количество песку изъ холщеваго мѣшка, который онъ приподнялъ съ великою трудностью, онъ, на мгновенье, сталъ непод-вижнымъ. Затѣмъ, торопливо и взволнованно, онъ началъ извлекать изъ бокового кармана своего сюртука огромную сафьяновую записную книжку. Подозрительно онъ взвѣ-силъ ее на своей рукѣ; потомъ оглядѣлъ ее съ видомъ крайняго удивленія, и, видимо, былъ изумленъ ею вѣсомъ. Наконецъ онъ ее открылъ, и, вынувъ оттуда огромное письмо, запечатанное краснымъ сургучомъ и тщательно

перевязанное красною лентой, онъ уронилъ его какъ разъ къ ногамъ бургомистра Супербуса фонъ Ундердука. Его Превосходительство наклонилось, чтобы поднять письмо. Но воздухоплаватель, все еще объятый большою тревогой, и, повидимости, не имѣвшій никакихъ дальнѣйшихъ дѣлъ, которыя могли бы его удерживать въ Роттердамѣ, началъ, въ это самое мгновеніе, дѣлать хлопотливыя приготовления къ отбытію; и, такъ какъ ему было необходимо освободиться отъ части балласта, дабы получить возможность вновь подниматься, полдюжины мѣшковъ, которые онъ выбросилъ одинъ за другимъ, не позаботившись опорожнить ихъ отъ содержимаго, хлопнулись, каждый, самымъ незадачливымъ образомъ, о спину бургомистра, и заставили его покатиться по землѣ, еще и еще, не меньше, чѣмъ шесть разъ, на виду у каждаго обитателя Роттердама. Нельзя, однако, предположить, чтобы великій Ундердукъ снесъ таковую наглость со стороны этого малаго стараго человѣка, съ полною для него безнаказанностью. Говорятъ, напротивъ, что, въ теченіи каждаго изъ полдюжины своихъ круговращеній, онъ испустилъ не менѣе полдюжины, совершенно отчетливыхъ и бѣшеныхъ, клубовъ дыма изъ своей трубки, за которую онъ крѣпко держался все время, изо всѣхъ своихъ силъ, и за которую онъ намѣревался крѣпко держаться (съ Божьей помощью) до дня своей кончины.

Тѣмъ временемъ шаръ взвился какъ жаворонокъ, и, воспаряя прочь надъ городомъ, наконецъ, спокойно уплылъ за облако, подобное тому, изъ котораго онъ такъ странно возникъ, и навсегда, такимъ образомъ, скрылся отъ дивящихся глазъ добрыхъ гражданъ Роттердама. Все вниманіе, теперь, было устремлено на письмо, низзошествіе котораго и послѣдствія его сопровождавшія оказались столь фатальными для личности и личнаго достоинства Его Превосходительства фонъ Ундердука. Этотъ сановникъ, однако, не преминулъ, во время своихъ

круговращательныхъ движеній, устремить мысль на важный предметъ завладѣнія письмомъ, которое будучи разсмотрѣннымъ, оказалось попавшимъ въ самыя надлежащія руки, ибо оно, на самомъ дѣлѣ, было адресовано ему самому и профессору Рубадубу, въ ихъ официальныхъ качествахъ Президента и Вице-Президента Астрономической Коллегіи города Роттердама. Съ симъ въ соотвѣтствіи, оно было вскрыто немедленно этими сановниками, и оказалось содержащимъ слѣдующее чрезвычайное, и, по существу своему, весьма серьезное, сообщеніе:

Ихъ Превосходительствамъ Фонъ-Ундердуку и Рубадубу, Президенту и Вице-Президенту Государственной Коллегіи Астрономовъ въ городъ Роттердамъ.

Ваши Превосходительства будутъ, быть можетъ, способны вспомнить нѣкоего скромнаго ремесленника, по имени Ганса Пфоолля, по ремеслу же починаящика раздувальныхъ мѣховъ, который, съ тремя другими, исчезъ изъ Роттердама около пяти лѣтъ тому назадъ, способомъ, который долженъ былъ быть сочтенъ неизъяснимымъ. Ежели, однако, будетъ такъ благоугодно Вашимъ Превосходительствамъ, я, сіе сообщеніе пишушій, есмь онъ тотъ самый Гансъ Пфоолль. Хорошо извѣстно большинству моихъ согражданъ, что въ теченіи періода сорока лѣтъ я занималъ небольшое четырехугольное кирпичное зданіе, что въ самомъ началѣ улочки, именуемой Sauerkraut, Кислая Капуста, гдѣ я и находился во время моего исчезновенія. Предки мои также тамъ жили съ незапамятныхъ временъ—они такъ же, какъ и я, стойко осуществляли почтенную и, надо сказать, доходную профессію починки раздувальныхъ мѣховъ; потому что, говоря по правдѣ, до этихъ послѣднихъ лѣтъ, когда въ народѣ всѣ головы вскружились отъ политики, никакого лучшаго дѣла, нежели мое, не могъ ни желать, ни заслужить какой-либо честный гражданинъ города Роттердама. Кредитъ

былъ добрый, въ работѣ никогда не было недостатка и не было недостатка ни въ деньгахъ, ни въ доброй волѣ. Но, какъ я сказалъ, мы скоро начали чувствовать послѣдствія свободы и длинныхъ рѣчей, и радикализма, и всего въ этомъ родѣ. Тѣ особы, что были раньше наилучшими въ мірѣ заказчиками, не имѣли болѣе ни минуты времени хоть сколько-нибудь объ насъ подумать. Еле-еле могли они только читать о революціяхъ и идти нога въ ногу съ ходомъ разума и съ духомъ вѣка. Ежели нужно имъ было раздуть огонь, они его запросто раздували газетнымъ листомъ, и, по мѣрѣ того какъ Правительство становилось слабѣе, я не имѣлъ болѣе сомнѣній, что кожа и желѣзо пріобрѣтали соотвѣтственную прочность—ибо въ весьма короткое время во всемъ Роттердамѣ не было и одной пары мѣховъ, которая нуждалась бы когда-нибудь хоть въ одной стежкѣ или потребовала бы помощи молотка. Таковое положеніе вещей стало нестерпимымъ. Вскорѣ я сталъ бѣднѣть, какъ крыса, и, дожидаясь заботиться о женѣ и дѣтяхъ, которыхъ я имѣлъ, я увидѣлъ, что время мое стало, наконецъ, совсѣмъ непереноснымъ, и часъ за часомъ я тратилъ на размышленіе о томъ, какъ бы наиболѣе пристойнымъ образомъ положить конецъ моей жизни. Тѣмъ временемъ кредиторы мало оставляли мнѣ досуга для созерцательнаго мышленія. Домъ мой буквально былъ осаждаемъ съ утра до вечера. Три было молодчика, въ особенности, которые мучили меня сверхъ предѣловъ терпѣнія, держа меня безпрерывно подъ стражей около моей двери и угрожая мнѣ закономъ. Этимъ тремъ я поклялся отомстить горчайшимъ образомъ, если когда-либо выпадетъ мнѣ счастье захватить ихъ въ мои когти; и я думаю, ничто въ мірѣ, какъ не услада этого предвкушенія, не воздержало меня отъ приведенія моего плана самоубійства въ немедленное исполненіе, и помѣшало мнѣ выбить мои мозги выстрѣломъ изъ мушкетона. Я счелъ, однако, за наилучшее скрыть